
ЕВА НОРДЕН
ПОКА ТЫ МНЕ ВЕРИШЬ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ТРИЛЛЕР

Ева Норден

Пока ты мне веришь

«Автор»
2026

Норден Е.

Пока ты мне веришь / Е. Норден — «Автор», 2026

Алиса умеет распознавать чужие страхи: она работает психологом и привыкла задавать правильные вопросы. Но рядом с Дмитрием вопросы становятся не нужны. С ним впервые за долгое время спокойно. Пока одна жалоба не ставит под угрозу её работу, а девушка, обратившаяся за помощью, не исчезает. Попытка выяснить правду превращает знакомых людей в подозреваемых, а заботу — в возможную ловушку. Кому верить, если опасность может скрываться в тех, кого ты любишь больше всего?

© Норден Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Красное пальто 5
Глава 2. Подарок не тому 8
Глава 3. По ту сторону стекла 11
Глава 4. Фамилии на стекле 16
Глава 5. Честный разговор 19
ЧАСТЬ ВТОРАЯ · ЖЕНЩИНА НА ЛИНИИ 24
Глава 6. Небольшие привычки 24
Глава 7. После сигнала 27
Глава 8. Мужчина с неисправной молнией 30
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Пока ты мне веришь

Глава 1. Красное пальто

Папа обещал прийти на спектакль. Я переспросила трижды: за завтраком, в прихожей и уже с порога, пока он пытался поймать локтем соскальзывающий портфель.

— А если у тебя будет работа?

— Тогда работа подождёт, — сказал он.

Мне было девять, и я считала, что обещание — это особая вещь. Вроде сургучной печати на старинном письме: если произнёс, уже не оторвать, не испортив бумагу.

На школьной сцене мне предстояло играть Герду. Костюм шила Инга из маминого красного халата. Три вечера она сидела за машинкой, подбирала мех для воротника, распарывала швы и колола пальцы. Мех оказался слишком белым, на манжетах — слишком пушистым, но я была уверена, что настоящая Герда одевалась именно так.

— Ты на меня даже не смотришь, — возмущалась я, стоя на табурете во время примерки.

— Я смотрю на кривую строчку. Если она останется, вся Дания будет смеяться.

— А ты придёшь?

— Конечно.

Инге было семнадцать. Она знала, как включать бойлер, платить за свет, готовить папин кофе и отличать его рабочее молчание от сердитого. Мне казалось, у неё в голове есть отдельная полочка на любую беду. Свои беды она туда не складывала: по крайней мере, при мне.

В тот день школа пахла мокрыми варежками, лаком для волос и хвоей, с которой ещё не успели стряхнуть снег. Я выглянула из-за занавеса. В третьем ряду сидела Инга с букетом белых хризантем. Она сделала мне смешное строгое лицо: «Не высовывайся». Рядом с ней оставалось пустое кресло.

Спектакль начался. Я находила Кая за картонными деревьями, обращалась к нарисованным цветам, на минуту забывала слова, но ни разу не забывала проверить входную дверь. Она не открывалась. Каждый раз, когда со сцены было видно зал, я видела всё то же пустое кресло.

Инга аплодировала стоя. Я поклонилась и улыбнулась ей так широко, как могла, хотя от усилия заболели щёки.

После спектакля она нашла меня в раздевалке. Я завязывала шнурки, которые не желали подчиняться, и старалась не смотреть на счастливые семьи вокруг.

— Звезда, — сказала Инга и опустилась передо мной на корточки. — Ты здорово придумала сказать «очень долго» вместо «вечность».

— Я забыла слово.

— Никто не заметил.

— Ты заметила.

— Я же твоя старшая сестра. Это моя работа — замечать.

Она развязала мой узел одним движением. Я спросила, где папа. Инга не стала говорить, что он задержался на важной встрече, не стала оправдывать. Только сказала:

— Я здесь.

На улице шёл такой густой снег, что фонари выглядели разбухшими оранжевыми пятнами. Мы шли пешком, потому что такси застряло у школы. Я несла цветы, Инга — пакет с костюмом. На переходе я спросила, почему она не в музыкальной школе. По средам она всегда занималась там допоздна.

— Сегодня концерт был, — ответила она.

— Ты играла?

— Нет.

— Почему?

Она поправила мне шарф.

— Потому что обещала прийти к тебе.

— А концертов ещё много будет?

— Конечно, маленькая.

Я успокоилась. Мне казалось очевидным, что важного в жизни хватает на всех и всегда можно взять свою очередь потом.

Папа был дома. Он сидел на кухне, ел разогретый суп и слушал сообщение на телефоне. Увидел меня, обрадовался, потянул к себе и спросил, как всё прошло. Я не подошла.

— Ты обещал.

Он положил телефон экраном вниз.

— Не получилось, Алис. Ну не смотри так. Я ведь не нарочно.

— В следующий раз ты придёшь?

— Обязательно.

— Следующего раза не будет. У нас одна «Снежная королева».

Папа потер лицо. Инга тихо сказала: «Она очень старалась». Он ответил, что тоже старается, просто не всегда получается то, чего мы хотим. А потом поблагодарил Ингу за то, что она сходила, и попросил разогреть ему ещё супа.

Вечером она сидела на краю моей кровати, пока я засыпала. Я спросила, не уедет ли она когда-нибудь так же, как папа, внезапно, за дверью, за работой.

— Я вернусь, — сказала Инга.

— Даже если будет важный концерт?

— Даже тогда.

Она рассмеялась и погасила свет. Я заснула, держась за край её рукава.

В субботу мы ходили на каток. Инга падала чаще меня и хохотала так, что на нас оборачивались. Потом мы ели горячие пирожки прямо на улице, и она рассказала мне о композиторе, который слышал музыку, когда все остальные слышали только гул дождя. Ей нравились такие истории. Она могла говорить о музыке бесконечно — пока не зазвонит телефон.

На следующий день я нашла на кухне программу её несостоявшегося концерта. Напротив имени «Инга Воронцова» стояла маленькая звёздочка карандашом. Я положила лист обратно под тетрадь. Не хотела, чтобы она думала, будто я роюсь в её вещах. И, если говорить правду, мне не хотелось спрашивать, чего она лишилась ради меня.

* * *

Летом мы с Ингой уехали на неделю к морю. Не с папой: у него снова было много работы. Инге дали каникулы перед экзаменами, а мне — торжественное право выбрать место на пляже.

На второй день мы наняли старый катамаран. Инга решила, что будет капитаном. Я заявила, что капитаном должен быть тот, у кого лучше получается крутить педали. Мы ссорились до буйка и обратно, а когда наконец причалили, обнаружили, что обе забыли деньги на мороженое. Пришлось идти в отель босиком по горячему асфальту.

— Умница у меня, — сказала Инга, обнаружив, что ключ от номера остался в её же сумке, которую она сдала в камеру хранения вместе с деньгами.

Инга потеряла ключ, обгорела на солнце и смеялась до икоты. На один день она перестала быть человеком, у которого всегда найдётся запасной выход. У неё был парень Артём, присылавший дурацкие открытки с нарисованными котами.

В последний вечер на набережной играла женщина на уличном пианино. Клавиши у инструмента были вытерты до дерева. Инга остановилась. Я увидела, как её рука повторяет движения музыкантки на пустом воздухе.

— Сыграй тоже, — попросила я.

— Это не мой инструмент.

— Ну и что?

Она всё-таки села. Сыграла сначала что-то знакомое, потом совсем другое — быстрое, озорное. Прохожие остановились, мужчина в льняной шляпе положил рядом монету, и Инга, забыв обо всём, смеялась, продолжая играть. Когда встала, раскланялась так преувеличенно, будто выступала в опере. Я свистела двумя пальцами, хотя у меня не выходило ни звука.

Через неделю дома её ждало письмо из Петербурга. Ингу приглашали на вступительные испытания в консерваторию. Она перечитывала лист у окна, а я думала, что он похож на пропуск за кулисы.

— Ты поедешь? — спросила я.

— Попробую. Если поступлю, буду учиться там.

— А меня возьмёшь?

— Тебе придётся сначала окончить четвёртый класс.

Она сказала это весело. Но, когда я спросила, кто будет встречать меня после школы, веселье как-то оборвалось.

Вечером я слышала разговор из кабинета. Отец спрашивал, на что Инга собирается жить в чужом городе и зачем ей «профессия без гарантий». Она отвечала, что знает, как устроены экзамены, и готова подрабатывать. Потом папа спросил, кто будет помогать с Алисой. Инга сказала: «Мы найдём кого-нибудь». Папа назвал это лёгким решением для человека, которому не приходится за него платить.

Я ушла к себе и закрыла дверь. Впервые мне не хотелось, чтобы сестра пришла укладывать меня спать. Но она пришла. Я призналась, что боюсь остаться с незнакомой няней. Инга села рядом и объяснила, что не может всю жизнь жить в одной комнате со мной. Я обиделась и заплакала. Она обняла меня, не обещая ничего.

Через две недели папа принёс большой шоколадный торт. Инга сказала, что остаётся и поступает на экономический факультет у нас в городе. Отец назвал её взрослым человеком, способным принять правильное решение. Я от радости пролила на стол газировку. Инга смеялась вместе со мной и помогала вытирать скатерть.

Потом она действительно увлеклась экономикой. Придумывала смешные объяснения сложным словам и водила меня по рынку, чтобы на настоящих яблоках показать спрос и предложение. Когда меня раздражали задачи, она говорила: «Математика не обижается, если ты её не любишь». Мы ездили в кино, готовили плохую пиццу, один раз чуть не сожгли кухонные прихватки. Её жизнь не была чередой несчастий. Я видела, как она выигрывает студенческий конкурс, получает первую зарплату, краснеет после звонка Артёма.

Однажды она отвезла меня в маленький концертный зал. Мы сидели почти в последнем ряду. На сцене выступала девушка в зелёном платье. Инга слушала, не двигаясь. После концерта сказала, что та была на том самом прослушивании, куда сама не поехала. Теперь учится в Петербурге.

— Ты жалеешь? — спросила я.

Инга потянула из кармана билеты, сложила их уголками друг к другу.

— Иногда. Потом проходит.

Я хотела сказать что-нибудь утешительное, но не нашла слов. Она первой спросила, хочу ли я есть. Мы зашли в кафе и заказали на двоих картошку фри, хотя дома нас ждал ужин. Через час она рассказывала о преподавателе, который путал студенческие фамилии и однажды поставил зачёт человеку, вообще не учившемуся в их группе.

Я запомнила смех, картошку и бумажный стакан с вишнёвым соком. А как Инга сложила билеты — нет.

Глава 2. Подарок не тому

Когда мне было пятнадцать, я впервые поссорилась с Ингой так серьёзно, что три дня не разговаривала с ней. Поводом была совсем небольшая вещь: она не разрешила мне поехать ночью на концерт с компанией ребят, которых почти не знала. Я кричала, что она мне не мать. Она стояла в дверях моей комнаты с такой усталой физиономией, что я обозлилась ещё сильнее.

— Ты не имеешь права меня запрещать, — сказала я.

— Я не запрещаю тебе жить. Я говорю, что в два часа ночи на другом конце города без взрослых ты не поедешь.

— Папа бы разрешил!

— Папа сейчас в командировке.

— Вот именно. Ты решаешь за него, как всегда.

Инга не ответила. Просто закрыла дверь. Я села на кровать, зарылась лицом в подушку и пообещала себе, что при первой возможности уеду из этого дома. На следующий день в школу пришла с опухшими глазами. Подруга сказала, что старшие сестры все такие. Это меня утешило.

На третий день папа вернулся из командировки и привёз мне серебряную подвеску в форме маленькой звезды. Я немедленно надела её. Сверкала в зеркале, фотографировалась и забыла о ссоре. Инга вечером заметила подвеску и спросила, нравится ли мне. Я сказала, что папа понимает мои желания лучше всех.

Она улыбнулась.

— Конечно.

Позднее я узнала, что выбирала подвеску именно Инга. Папа позвонил ей из аэропорта и попросил купить что-нибудь от его имени, потому что сам не успевал в магазин. Но тогда я об этом не знала. Ходила по дому, позвякивала звёздочкой и демонстративно делала вид, будто не замечаю старшую сестру.

Вечером, когда папа уснул, я нашла Ингу на кухне. Она пила чай и читала книгу, держа закладку между пальцами.

— Мы всё ещё ссоримся? — спросила я.

— По-моему, ты ссоришься. Я завтра на работу, мне некогда.

Я обиделась.

— Могла бы извиниться.

— За что?

— За то, что не пустила меня.

Инга закрыла книгу.

— Алиса, если бы что-то случилось, папа спросил бы с меня. И я сама бы с себя спросила. Мне не нужно, чтобы ты меня за это любила. Мне нужно, чтобы ты была дома живая.

Я закатила глаза. Фраза показалась мне ужасно взрослой и лишённой романтики. Сейчас я думаю: в пятнадцать я не знала, сколько её собственной жизни проходило под таким знаком — «мне нужно, чтобы все были дома и живы». Но тогда мне хотелось лишь доказать, что я могу делать что хочу.

Инга потянулась за кружкой. Я села напротив и, преодолев гордость, предложила ей посмотреть вместе фильм. Она помолчала, потом кивнула. Мы просидели перед телевизором до полуночи и не обсудили ссору. Так в нашей семье решали большинство конфликтов: не объяснениями, а тем, что на следующий день снова приносили друг другу чай.

* * *

В тридцать лет я научилась отличать плохое утро от дня, который можно спасти кофе. В плохое утро ничего не помогало: на остановке ломался автобус, на работе зависала программа, а любой звонок заставлял сжиматься мышцы шеи. В обычное утро стоило лишь купить стакан капучино, и мир снова казался достаточно дружелюбным.

Того четверга я опоздала на совещание, пролила кофе на рукав и обнаружила, что перепутала ботинки: на левом кожаная пряжка была матовой, на правом — глянцевой. Никто, кроме меня, этого не замечал. Но весь день я представляла, как коллеги переглядываются у моего стола. В зеркале лифта я поправила тёмно-русые пряди, выбившиеся из хвоста. Серо-зелёные глаза в отражении смотрели на меня с тем же недовольством, с каким я разглядывала свои ботинки.

Я работала в городском центре психологической поддержки. Большую часть смены мы отвечали на звонки, иногда организовывали очные консультации, объясняли, куда можно обратиться за медицинской, юридической и экстренной помощью. У нас были правила: не обещать того, чего не можешь гарантировать; не искать человека самостоятельно; не сохранять чужие истории в личном телефоне. Я повторяла их новичкам на обучении и временами сама находила излишне строгими. Особенно последнее.

Моя коллега Катя утверждала, что мне следует сменить профессию на «спасение мира по частной подписке». Она была юристом по образованию, но в центре отвечала за сопровождение сложных обращений. Мы дружили семь лет. Катя знала, что я сплю под два одеяла даже летом, не умею хранить пустые коробки меньше полугода и терпеть не могу, когда меня называют «солнышком».

— Ужин в субботу? — спросила она, отобрав у меня четвёртое печенье.

— У меня семейный.

— Сестра?

— Отец. Инга тоже будет.

— Значит, воскресенье. Заодно расскажешь, почему твой последний мужчина исчез после третьего свидания.

— Потому что он назвал официанта «обслуживающим персоналом».

Катя не стала спорить. Только сказала, что когда-нибудь я составлю список мужчин, которых можно считать людьми, а не кандидатами на проверку этических норм. И этот список окажется коротким.

Вечером я заехала к Инге. Она жила в квартире с окнами на старый парк и огромным количеством растений, которые ухитрялись у неё не засыхать. На холодильнике висела моя фотография со школьного спектакля — красное пальто, белый воротник, нижний угол смят и пожелтел от воды. В детстве я пролила на снимок чай, а Инга пыталась разгладить его утюгом через полотенце. Она называла фотографию «компроматом» и отказывалась убирать.

Инге было тридцать восемь. У нас с ней были одинаковые серо-зелёные глаза и прямые носы. Только Инга убирала тёмно-русые волосы в гладкий узел, а у меня даже резинка не могла добиться порядка. В компании отца она руководила операционной деятельностью и фактически принимала большинство ежедневных решений. Но дома могла полчаса спорить с доставщиком о недостающем лимоне, а потом забыть об ужине и есть сыр с виноградом прямо из холодильника.

— Ты опять одна? — спросила она, едва открыв дверь.

— Добрый вечер и тебе.

— Я просто уточняю. Приходи, суп остался.

Мы ели на кухне, и она рассказывала о новом складе и переговорах с людьми, называвшими поставку «логистическим приключением». Я рассказывала о Кате и своём неудачном свидании. Инга слушала, иногда перебивала, смеялась громко и некрасиво, как в детстве. В её

присутствии я редко следила за тем, правильно ли формулирую мысли. В этом и состоял мой дом, хотя жила я отдельно уже десять лет.

— Папа звонил? — спросила я.

Инга кивнула.

— Просил привезти документы в субботу. И тебя обязательно позвал. Сказал, хочет поужинать без партнёров и сотрудников. Страшный человек.

Она говорила легко. Я тоже не придала значения просьбе. Отец любил устраивать семейные ужины, на которых сначала расспрашивал о моей работе, а потом незаметно переходил к финансам компании. Инга закатывала глаза, и мы с ней переговаривались взглядами через стол, словно школьницы.

Перед уходом она достала из шкафа мой шарф, который я оставила у неё в прошлый раз, и поправила мне воротник.

— Ты вечно выскакиваешь на улицу раздетой.

Мне часто казалось, что профессия досталась мне почти случайно. В институте я хотела заниматься исследованиями памяти, потом попала на практику в центр поддержки и осталась. Не потому, что любила чужую боль, — так иногда думали люди, не знавшие, что психологи работают и с границами, и с решениями, и с обычным человеческим желанием перестать бояться. Просто мне нравился момент, когда собеседник переставал говорить «я ничего не могу» и начинал спрашивать «какой у меня есть вариант».

В тот четверг после совещания мне позвонила пожилая женщина, чей взрослый сын требовал от неё денег. Она говорила о квартире так, будто сама была временным жильцом в собственном доме. Я не сказала ей, как следует поступить. Мы выяснили, что документы у неё, что она может обратиться за юридической консультацией и что разговор с сыном необязательно проводить без свидетелей. В конце она спросила, не слишком ли поздно менять что-то в семьдесят лет. Я ответила, что поздно только в том случае, если она сама не хочет ничего менять. Потом долго думала об этой фразе: я произнесла её так уверенно, будто отлично понимала, каково это — перестроить жизнь после многих лет привычной роли.

Катя, проходившая мимо моей кабинки, показала большой палец. Она знала, что после тяжёлых звонков я люблю несколько минут молчания. Иногда просто сидела рядом и разворачивала конфету, не задавая вопросов. Наверное, именно поэтому мы дружили: ей не требовалось постоянно доказывать, что она нужна.

В лифте я обнаружила в кармане батончик. Инга сунула его туда, пока я надевала ботинки. Я написала ей: «Ты невыносима». Она прислала фотографию своего кота с подписью: «Он согласен».

Глава 3. По ту сторону стекла

Катя никогда не стучала в дверь моего кабинета. Она появлялась в проёме с двумя стаканами кофе, поднимала брови и ждала, пока я сама решу, можно ли меня отвлечь. Короткие светлые волосы у неё обычно лежали ровно, но в тот вторник прядь на затылке торчала после шапки. На переносице проступали мелкие веснушки. Она простояла так почти минуту, пока я дописывала заметки после сложной консультации.

— Ты похожа на человека, которому предложили возглавить министерство чужих ошибок, — сказала она, когда я откинулась в кресле.

— Я думала, ты скажешь что-нибудь поддерживающее.

— Я принесла кофе. Дальше ты обязана поддержать себя сама.

Мы знали друг друга со стажировки. Катя пришла в центр после юридического факультета и сразу разочаровала всех, кто ожидал от неё послушного младшего специалиста. На первом же собрании она спросила, почему в инструкции написано «оказать содействие», но не указано, какое именно. Начальница тогда посмотрела на неё поверх очков. Через месяц Катя переписала инструкцию, и с тех пор её боялись только те, кто не любил точных вопросов.

Наш центр размещался на втором этаже бывшей районной библиотеки. В коридорах пахло бумагой, дешёвым мылом и кофейными зёрнами, которые кто-то каждое утро пережаривал в автомате. Здесь было трудно представить себя героиней. Нашей победой чаще всего становилось не эффектное спасение, а адрес нужной службы, оформленное заявление, чей-то договорённый визит к врачу. За каждой такой победой оставалась история, о которой нам редко рассказывали конец.

— В половине третьего супервизия, — напомнила Катя. — И не опаздывай, как в прошлый раз.

— Я не опоздала. У меня закончился звонок через двенадцать минут после начала.

— Тонкое различие для человека, который никогда не смотрит на часы.

В общей комнате Лера Воронкова показывала кому-то фотографии своего щенка. Ей было двадцать восемь, она работала у нас полгода, говорила быстро и всегда носила яркие серьги. Короткие чёрные кудри подпрыгивали у висков, когда она что-нибудь доказывала; большие карие глаза выдавали интерес ещё до вопроса. Мне нравилась её решительность, хотя она не умела останавливаться, когда собеседник уже хотел уйти. Возле окна сидел Паша из технического отдела; за всё время нашего знакомства он произнёс не больше двадцати предложений, зато однажды восстановил отчёт, который я случайно удалила за минуту до сдачи.

Ольга Сергеевна, руководительница, вошла точно по расписанию. Когда-то она сама отвечала на ночные звонки. Теперь ей приходилось больше работать с документами, и она произносила слово «бюджет» так, будто от него болит зуб. Она положила телефон экраном вниз и спросила, кто хочет начать.

Лера рассказала о посетительнице, которая просила дать ей прямой совет: уходить от мужа или нет. Лера призналась, что почти сказала «уходите», а потом остановилась.

— Почему? — спросила Ольга Сергеевна.

— Потому что это должно быть её решение. Но мне казалось жестоким ничего не советовать.

Мы спорили долго. Я сказала, что поддерживать человека не значит занять его место в собственной жизни. Катя добавила, что чем меньше у человека контроля, тем осторожнее нужно обращаться с готовыми ответами.

После собрания Лера догнала меня возле лестницы.

— Тебе легко говорить. Ты всегда такая собранная.

Я засмеялась.

— Мне вчера пришло уведомление о неоплаченном штрафе. Я полчаса доказывала приложению, что не владею машиной.

— Я серьёзно, Алис. Тебя все слушают. А меня перебивают.

— Иногда стоит говорить медленнее.

Она отвернулась к окну. Я поняла, что ответила слишком быстро и слишком похоже на совет, от которых только что предостерегала коллег.

— Прости, — сказала я. — Хочешь после смены обсудим тот случай подробнее?

Лера улыбнулась, но не сразу.

— Посмотрим. Я сегодня, наверное, уйду пораньше.

Вечером Катя проводила меня до остановки. Мы говорили о её новом знакомом, который присылал ей фотографии собственной собаки чаще, чем сообщения. Катя делала вид, будто её это раздражает. Я знала, что она уже купила собаке игрушку.

— Ты когда-нибудь устаёшь быть правильной? — спросила она неожиданно.

— Каждый день.

— Тогда почему продолжаешь?

Я хотела ответить, что иначе не могу. Это прозвучало бы красиво и совершенно неверно. Мне нравилось, что люди могли на меня положиться. Иногда нравилось даже слишком сильно.

— Потому что боюсь однажды оказаться человеком, который мог помочь и не помог, — сказала я.

Катя помолчала, пока над остановкой мигала реклама мебельного магазина.

— Только смотри, чтобы кто-нибудь не превратил этот страх в повод управлять тобой.

— У тебя для любой ситуации есть мрачная версия?

— Конечно. Юридическое образование. После него даже инструкция к кофеварке выглядит как договор с подвохом.

Мы рассмеялись. Автобус подъехал, и я забыла о нашем разговоре раньше, чем успела сесть у окна.

* * *

В день, когда Инга впервые пригласила меня на открытие нового магазина компании, я ожидала увидеть привычную семейную суету: официанты с подносами, папа в дорогом костюме, люди, которые хвалят друг друга и одновременно проверяют часы. Но оказалось, что моя сестра в мире бизнеса совсем другой человек.

Она стояла на небольшой сцене перед сотрудниками, не читая с листа. Спокойно благодарила команду склада, называла имена мастеров, показывала на экране фотографии цехов. Когда кто-то из партнёров начал рассказывать о сложном оборудовании непонятными словами, Инга остановила его и попросила объяснить так, чтобы понял человек, который впервые видит производство. Зал рассмеялся, напряжение исчезло. Я наблюдала за ней с изумлением.

После выступления к ней подошла молодая женщина в рабочей куртке. Оказалось, руководительница смены, которую Инга месяц назад защитила от несправедливого увольнения. Женщина поблагодарила её, и сестра ответила:

— Не меня. Вы сами доказали, что ваш участок работает. Я только попросила, чтобы это увидели.

Я почувствовала гордость, похожую на ту, что испытывала в детстве, когда Инга садилась за пианино. Ей нравилось управлять. Она не была здесь несчастной пленницей отцовской воли.

Вечером мы сидели в её машине, ели пирожки из бумажного пакета и смотрели на подсвеченную витрину магазина. Инга сняла туфли и вытянула ноги.

— Ну как? — спросила она.

— Ты там почти знаменитость.

— В нашей отрасли знаменитость — это человек, которого ругают за неверный цвет кромки.

— Серьёзно, Инг. Ты так уверенно говоришь. Я бы умерла на этой сцене.

Она пожала плечами.

— Я просто знаю, о чём говорю.

— Ты счастлива?

Инга повернула голову.

— Неожиданный вопрос.

— Я иногда думаю о Петербурге. О пианино.

Она фыркнула.

— А я иногда думаю, как бы выглядела с короткими волосами. Это не значит, что надо срочно записаться в парикмахерскую.

— Не надо сравнивать жизнь с причёской.

— Почему? И то и другое иногда приходится менять после неудачной идеи.

Мы засмеялись. Потом Инга посмотрела на магазин и сказала уже тихо:

— Мне нравится делать вещи, которые можно потрогать. Видеть, как из того, что утром было спором на совещании, через месяц получается настоящий зал, в который приходят люди. Я не притворяюсь, Алис. Мне это правда нравится.

Я уже приготовила утешение насчёт Петербурга. Пришлось проглотить его: Инга смотрела на магазин с тем же выражением, с каким когда-то садилась за пианино.

Перед отъездом Инга позвонила отцу и коротко отчиталась об открытии. Он похвалил её, а затем напомнил, что завтра нужно решить вопрос с поставщиком. Она закатила глаза, выключила телефон и спросила, не хочу ли я мороженого. Я согласилась. В тот вечер мы были двумя взрослыми женщинами, которые могли смеяться, не вспоминая ни о семейных долгах, ни о несбывшихся мечтах.

* * *

За неделю до того, как папа заговорил о наследстве, я проводила открытый семинар для волонтёров. Ольга Сергеевна попросила сделать памятку без специальных терминов и чужих историй. Я написала шесть страниц, которые мне самой казались ужасными: «при необходимости», «уточнить безопасный канал связи», «не обещать результат». Отправила Инге фотографию черновика первой страницы с вопросом: «Ты бы стала читать такой текст?» Там была строка, которой я сама немного стеснялась: «Не достраивайте чужое молчание своими догадками». Я написала её на полях и никому, кроме Инги, этот вариант не отправляла.

Она ответила через две минуты: «Если меня заставят. Убери слово «осуществить» и не пугай людей канцеляритом». Потом позвонила, мы посмеялись над моим «чужим молчанием», и я убрала фразу из окончательной памятки. Это было безобидно: никакой личной информации, никаких данных об обращениях. Просто несколько общих правил, которые могли бы висеть на стене любой приёмной. Я сохранила её поправки. Инга умела говорить понятно даже о вещах, которые были ей совершенно чужды.

* * *

Отец не любил говорить о здоровье. Даже когда ему сделали операцию на сердце, он называл это «техобслуживанием». Поэтому, увидев на субботнем ужине медицинскую папку возле его тарелки, я почувствовала, как сжалось горло.

— Всё под контролем, — сразу сказал он. — Только не делайте такие лица.

Он рассказал о серьёзной болезни, о курсе лечения и прогнозе, который врачи пока не решались уточнять. Мы говорили спокойно, почти деловито: Инга задавала вопросы о лечении, я спросила, кто будет ездить с ним на обследования. Пока он говорил, я заметила седину у висков и крупные ладони, неподвижно лежавшие на столе. Плечи под рубашкой оставались широкими, только ворот стал свободнее, чем прошлой зимой. Отец улыбнулся тому, как быстро мы распределяем обязанности, и на секунду показался стариком, хотя ещё вчера казался человеком, который может построить склад одним раздражённым телефонным звонком.

Потом он заговорил о завещании. У него были доли в компании, недвижимость, банковские счета. Он решил распределить всё между нами поровну. Операционное управление пока останется у Инги, но после его смерти голосующие доли бизнеса перейдут нам обеим в равных частях. Он назвал это справедливым.

Я посмотрела на Ингу. Она аккуратно положила вилку на тарелку. Не нахмурилась, не стиснула губы. Только уточнила, входят ли в раздел долги и обязательства холдинга. Отец сказал, что, конечно, всё это будет указано в документах.

— Пап, — начала я, — если речь о компании, Инга ведь там всё знает. Я не хочу ей мешать.

— Захочешь — разберёшься, — ответил он. — А не захочешь, найдёте форму управления. Вы взрослые женщины.

— Мы обе твои дочери, — сказала Инга. — Поровну — значит поровну. Думаю, это правильно.

Отец накрыл её ладонь своей. Так редко случалось, что я невольно отвернулась: мне показалось, я подсмотрела что-то личное.

Позже, пока он разговаривал по телефону, мы вышли на террасу. Было холодно. Инга принесла мне шерстяную шаль из прихожей, а сама стояла без верхней одежды.

— Не обиделась? — спросила я.

— На что?

— Ты столько лет работаешь в компании. А я даже не отличу филиал от дочернего предприятия.

— Хорошо, что ты это понимаешь. Обучение начнём с понедельника, — сказала она, и мы рассмеялись.

Потом добавила уже серьёзно:

— Папа жив, Алис. Давай пока думать о нём, а не о том, что будет потом.

Пока отец говорил, Инга машинально выровняла край скатерти возле своей тарелки. Она делала так с детства, когда думала о чём-то сложном. Я не стала спрашивать, что именно она сейчас думает. Мы все старались не пугать друг друга лишними вопросами.

После ужина отец достал коробку с фотографиями. Там были снимки из его первого магазина: облезлый прилавок, тесная подсобка, молодой папа с густыми волосами. На одном снимке Инга, ещё подросток, держала в руках картонный ценник. Она рассмеялась:

— Помнишь, я тогда перепутала артикулы и мы три часа искали несуществующий шкаф?

— Помню, — сказал отец. — А потом ты сама придумала, как исправить систему.

— Мне было пятнадцать.

— Значит, талант был уже тогда.

Инга покраснела. Она редко краснела от похвалы — обычно реагировала шуткой или деловым замечанием, — но тут улыбнулась почти по-девичьи. Я увидела в ней ту самую девушку, которая когда-то играла на уличном пианино у моря. Хотела спросить, играет ли она сейчас хоть иногда, и не спросила. Не хотелось портить хороший вечер разговорами о том, чего не случилось.

Позже папа показал мне первые цифры компании и объяснил, почему нельзя просто разделить её пополам, как наследуют банковский счёт. «Если у вас будет одинаковое право останавливать решения, вы должны заранее договориться, как не останавливать сам бизнес», — сказал он. Мне это показалось убедительным. Инга предложила конкретный механизм, при котором текущие решения останутся у управленческой команды, а крупные — за владельцами. Папа пообещал обсудить его с юристом. Мы разошлись в ощущении, что всё можно устроить без борьбы.

За ужином отец обронил ещё одну подробность: не собирается отдавать управление компании на волю будущих семейных споров. Он хотел, чтобы решения были понятны и проверяемы, даже если нас с Ингой однажды не окажется рядом.

По дороге домой Инга включила музыку, которую любила ещё в университете. Я поблагодарила её за спокойствие во время разговора. Она только отмахнулась и спросила, не продрогла ли я на террасе.

Глава 4. Фамилии на стекле

В понедельник Инга позвонила в восемь тридцать и спросила, могу ли я приехать к отцу в офис. Голос у неё был бодрый, деловой; она уже успела провести два совещания и, судя по шуму на заднем плане, спорила с погрузчиком.

— Я не собираюсь устраивать тебе экскурсию по наследству, — сказала она. — Просто папе опять нельзя ездить самому. Я отвезу его после обеда на обследование, а пока ему нужна компания, которая не будет обсуждать складские остатки.

К десяти я стояла перед зданием с серебристыми буквами «ВОРОНЦОВ». Когда-то папа начинал с одного магазина в спальном районе. Теперь компания поставляла мебель крупным сетям, имела производство, транспортный отдел и офис, в котором я безнадёжно путалась даже после двадцатого визита.

Инга встретила меня у лифта. На ней были тёмные брюки и светлая блузка, на запястье часы с потёртым ремешком. Она говорила по телефону и одновременно показывала мне, куда идти. В конце разговора сказала собеседнику: «Мне не нужно удобное объяснение. Мне нужна машина к пятнице» — и отключилась.

— У тебя добрые методы управления, — заметила я.

— Просто ты слышала только конец. До этого я десять минут была нежной феей логистики.

По коридору к нам направлялся крупный седовласый мужчина. Он был в безупречно сидящем костюме и нёс портфель, похожий на дорогую квартиру.

— Алиса Викторовна! — воскликнул он так тепло, будто мы вместе проводили каждое лето. — Давно не виделись.

Это был Аркадий Мельников. Партнёр отца по нескольким проектам, поставщик, посредник, вечный участник семейных праздников. В детстве я называла его дядей Кадей. Он всегда приносил самые огромные коробки с подарками и никогда не помнил, сколько мне лет.

— Слышал, Виктор Андреевич взялся за здоровье, — сказал он. — Правильно. Хозяину надо себя беречь.

— Он не любит, когда его называют хозяином, — возразила Инга.

— Поэтому я говорю так за его спиной, — подмигнул Мельников.

Он пригласил нас на кофе, но Инга сухо ответила, что у нас дела. Когда он ушёл, она смотрела ему вслед с таким выражением, которое я прежде видела только у отца после неудачной проверки.

— Не любишь его?

— Он любит договоры, в которых мелкий шрифт важнее крупного.

Я рассмеялась, но Инга не улыбнулась.

В папином кабинете пахло кожей и свежим чаем. Отец сидел у окна, разглядывая макет нового жилого комплекса: компания собиралась поставлять мебель для нескольких домов. Он выглядел усталым, однако при виде меня сразу поднялся.

— Алиса! Я уж думал, ты совсем забыла дорогу в приличное учреждение.

Мы пили чай и говорили о врачах. Потом зашёл финансовый директор Леонид Серов — высокий, худощавый мужчина с коротко подстриженными светлыми волосами и уставшими глазами. Он вечно теребил крышку ручки, даже когда держал в другой руке папку. Передал её отцу и попросил подписать письмо банку. Отец пообещал посмотреть после обеда.

— Насчёт нового кредитного соглашения? — спросила Инга, заглянув в кабинет.

— Насчёт старого, — ответил Серов. — Но с новыми условиями.

— Значит, не подписываем, пока не проверим условия.

— Мы потеряем неделю.

— Лучше неделю, чем право голоса.

Серов впервые заметил меня и смутился. Я поняла, что речь о чём-то гораздо более сложном, чем бухгалтерия. Инга проводила его до двери, затем вернулась и спросила у отца, почему Мельников снова предлагает совместную управляющую компанию.

— Он думает, что болезнь делает меня сговорчивым, — сказал отец.

Инга усмехнулась.

— Значит, плохо знает.

Вечером мы втроём обедали в маленькой переговорной. Инга принесла суп из столовой, отец жаловался, что ему не дают солёного, а я пыталась понять, почему на одном из экранов двести одинаковых прямоугольников меняют цвет от зелёного к красному. Инга терпеливо объясняла, что это поставки. Я запомнила только, что красный цвет не обязательно означает катастрофу, но почти всегда означает неприятный разговор.

Когда папа ушёл отдыхать перед поездкой к врачу, я осталась с сестрой у панорамного окна. Внизу двигались грузовики. Люди переходили двор с папками, кофе и телефоном у уха.

— Ты здесь как дома, — сказала я.

— Иногда и сплю здесь, — отозвалась Инга. — Но не признавайся папе. Он считает это дурным примером.

— Ты гордишься тем, что построили?

Она обернулась ко мне.

— Очень. Даже когда всех ненавижу.

Это была не шутка. На несколько секунд я увидела человека, которому действительно нравится принимать решения, спорить, собирать сложную систему и наблюдать, как она работает. Никакой принесённой в жертву жизни я тогда не увидела.

На выходе я столкнулась с Мельниковым. Он придержал для меня дверь, галантно отступив в сторону.

— Не давайте сестре загнать себя в угол, Алиса Викторовна, — сказал он. — Она хороший директор, но собственники должны смотреть шире.

— Я не собираюсь заниматься компанией.

— Сейчас не собираетесь. А наследство, знаете ли, меняет людей.

Он улыбнулся, словно только что сказал милую шутку. Мне стало неуютно, но я отнесла это на счёт его привычки говорить чужими цитатами.

* * *

Мы с Катей встречались по пятницам в баре на углу, где официантка уже знала, что мне нужен лимонад без льда, а Кате — бокал сухого вина и возможность долго выбирать еду. В тот вечер к нам неожиданно присоединилась Лера. Она написала, что у неё плохой день, и Катя позвала её без моего ведома.

Лера пришла в ярком пальто и сразу извинилась за опоздание. Положила на стол телефон, увидела уведомление, перевернула экран вниз и попросила заказать ей суп.

— Меня не взяли на обучение, — сообщила она.

— Какое? — спросила я.

— Повышение квалификации. Ольга Сергеевна сказала, что пока рано.

Я знала, что руководство действительно сомневалось: Лера хорошо работала с людьми, но несколько раз слишком свободно обсуждала случаи в общей комнате. Не зная этого, она могла считать решение несправедливым.

— Ты ведь тоже подавала заявку, — сказала она мне.

— Да. Но я уже проходила эту программу три года назад. Меня там не будет.

— Вот видишь. Тебе всё можно.

Катя перестала резать хлеб.

— Лера, у Алисы восемь лет опыта. Это не волшебная печать на лбу.

Лера покраснела, пробормотала извинение. Я перевела разговор на её щенка. Через десять минут она уже показывала видео, где маленькое животное победно тащит домой чужой шарф.

Позднее, когда Лера ушла, Катя спросила:

— Ты заметила, как она смотрит на тебя?

— Как?

— Как на человека, который занял её место за столом.

— Она просто устала.

— Возможно. Но у тебя есть привычка объяснять за других то, что они сами ещё не объяснили.

Мне не понравились её слова. Катя это заметила, но не стала извиняться.

Мы говорили о сестре. Я рассказала, как Инга сегодня в офисе остановила финансового директора одной фразой, и Катя сказала:

— Ты всегда думаешь, что за её успехом стоит железный характер. Может, ей просто нравится работа?

— Конечно, нравится. Иначе она бы не занималась ею двадцать лет.

— Вот именно. Не превращай её в героиню семейной трагедии. Она взрослая и умеет принимать решения.

Я вспомнила белый конверт из Петербурга. Долго считала эту историю главной потерей Инги. Странно было видеть, как она защищает право любить совсем другую работу.

Мы вышли поздно. Катя натянула шапку почти до бровей, а я долго искала ключи в сумке. Наш бар стоял на пересечении двух улиц, и машины медленно ползли вдоль тротуара. На противоположной стороне горела вывеска частного бизнес-центра. Из двери вышли двое мужчин, один из которых был похож на Мельникова. Второй держал папку и говорил так быстро, что не успевал застегнуть пальто.

— Смотри, твой богатый родственник, — сказала Катя.

— Он не родственник.

— Богатый чужой человек — ещё опаснее. Родственник хоть иногда покупает торт.

Я засмеялась. Мужчины сели в тёмную машину. Тогда мне не пришло в голову запоминать номер. У меня были другие планы на вечер: добраться домой, снять неудобные ботинки и посмотреть фильм, про который Катя сказала, что он «прекрасно ужасен».

Глава 5. Честный разговор

Через несколько дней после объявления завещания папа пригласил меня на прогулку в парк. Это было необычно: раньше мы чаще встречались за семейным столом, где всегда появлялась Инга, или в его кабинете, куда постоянно кто-нибудь заходил. Теперь отец шёл рядом со мной в тёмной куртке, медленно, с остановками. Он впервые не пытался скрывать, что устал.

Мы присели на лавочку возле пруда. Утки собрались у берега и громко возмущались отсутствием еды. Папа достал из кармана сложенный лист. Я подумала, что это медицинское заключение, и напряглась. Но он развернул старую фотографию, на которой мы с мамой стояли в саду.

— Ты похожа на неё, когда споришь, — сказал он.

— Ты всегда говоришь, что я похожа на маму, когда не знаешь, как закончить разговор.

Он рассмеялся.

— Возможно. Мне её до сих пор не хватает. Иногда кажется, что если скажу тебе это вслух, станет легче. А выходит наоборот.

Я взяла его под руку. Он замолчал, глядя на воду.

— Инга после мамы очень быстро повзрослела, — сказал он наконец. — А я не заметил, как это случилось.

— Ты замечал. Просто она справлялась.

— Вот именно. Когда человек справляется, все вокруг решают, что ему ничего не нужно.

Я удивилась. Раньше папа не говорил о сестре так откровенно. Он рассказал, как однажды после школьного концерта Инга пришла к нему с приглашением в консерваторию, а он, боясь остаться один с маленьким ребёнком и ещё неустойчивым бизнесом, начал перечислять трудности переезда. До сих пор помнил, что именно сказал. Не гордился этим.

— Ты жалеешь? — спросила я.

— Жалею, что сделал своё удобство её проблемой. А потом ещё и похвалил за правильное решение.

Мы сидели молча. Я хотела сказать, что Инга давно счастлива на своей работе. Но поняла: одно не отменяет другого.

Папа посмотрел на меня.

— Я надеюсь, вы с ней сумеете договориться без меня. Мне важно не только оставить вам деньги. Я не хочу, чтобы после меня вы превратились в чужих людей.

— Инга говорит, что всё справедливо.

— И я ей верю. Но справедливость по документам не всегда совпадает с тем, как человек себя чувствует.

Я пообещала поговорить с сестрой о будущем управлении компанией. Папа кивнул, но не стал требовать немедленных решений. Потом мы отправились в небольшое кафе, где он купил мне пирог с яблоками, хотя я говорила, что не голодна. Он съел половину сам, и я впервые за долгое время увидела, что ему вкусно.

По дороге домой папа спросил о моей работе, и я рассказала о сложной консультации. Он слушал, не перебивал. Когда я закончила, сказал:

— Не понимаю, как ты умеешь целый день слушать чужие беды. Я бы уже всем купил по новому телефону и отправил домой.

Я засмеялась.

— В том-то и дело, пап. Телефон иногда не помогает.

— Учту. Но если понадобится — ты скажи.

Мне понравилось, что он не требовал, чтобы я обязательно нуждалась в его помощи.

* * *

Через неделю после моего визита в офис Инга позвала меня на обед. Не в ресторан, где за одним столом могли одновременно обсуждать дивиденды и трюфельное масло, а в небольшое кафе на первом этаже бизнес-центра. Там подавали густой суп в тяжёлых мисках, и официантка помнила, что Инга терпеть не может укроп.

— Мне нужно твоё мнение, — сказала сестра, поставив телефон экраном вниз.

Я посмотрела на неё с подозрением.

— Мнения человека, который отличает дебиторскую задолженность от бетонного завода исключительно на слух?

— Именно. Незамутнённый взгляд.

Она придвинула мне лист с тремя колонками цифр, которые, очевидно, должны были сами объяснить ситуацию. Я честно посмотрела и честно ничего не поняла.

— Мельников предлагает объединить наши производственные площадки с его логистикой, — объяснила Инга. — В обмен он получает право согласовывать крупные расходы и назначать одного директора в совместную управляющую компанию. На бумаге всё красиво. На практике мы будем просить разрешения на каждый шаг.

— Папа согласен?

— Пока нет. Но он устал. А Аркадий умеет находить людей, когда они устали.

Я вспомнила улыбку Мельникова, его дорогой портфель и привычку произносить нашу фамилию так, словно это было название приглянувшегося товара.

— Тогда откажитесь.

— Если бы всё решалось словом «нет», меня бы не держали в офисе по двенадцать часов.

Она сказала это без обиды. Взяла хлеб, разломила пополам, одну половину положила передо мной. С детства у неё была привычка делить любую еду, прежде чем самой к ней притронуться.

— А почему тебе нужно моё мнение?

— Потому что после оформления завещания ты будешь акционером. Тебе тоже придётся разбираться, кому доверять.

Я попыталась вернуть ей лист.

— Инг, я доверяю тебе. Для меня это и есть ответ.

Сестра посмотрела на мои пальцы, удерживавшие бумагу. Пока я не отпустила лист, она не продолжила. Про работу Инга говорила точно, как будто каждое слово могло попасть в протокол.

— Доверие не заменяет документы, — сказала она. — Ты вправе знать, чем владеешь.

— Тогда научи. Только по одной колонке за раз.

Инга откинулась на спинку стула и рассмеялась. Мы провели за обедом почти два часа. Она рисовала на салфетке квадратики, которые обозначали склады, долг и доли участия; я задавала вопросы, от которых она сначала закатывала глаза, а потом вдруг начинала объяснять яснее. На второй салфетке получилась схема, понятная даже мне.

Когда мы выходили, Инга остановилась у витрины цветочного магазина. Долго смотрела на жёлтые тюльпаны. Я спросила, кому она собирается их подарить.

— Себе, — ответила она и купила самый большой букет.

Мне понравилось это «себе». В тот день она выглядела не жертвой папиного бизнеса, а женщиной, которая умеет отстаивать собственное пространство. На стоянке она приобняла меня и сказала, что я задавала хорошие вопросы. Я гордилась собой почти так же, как после школьного спектакля.

* * *

Папа заговорил о независимой проверке в тот же день, когда Инга научила меня читать три колонки на салфетке. Сначала я не связала эти события. Вечером он прислал мне сообщение: «Сможешь в четверг зайти с юристом? Не подписывать ничего, просто послушать».

Я позвонила. Отец долго откашливался в трубку.

— Зачем тебе нужен я? — спросила я. — Ты же понимаешь, что от меня пользы меньше, чем от калькулятора.

— Калькулятор не задаёт вопросов, — сказал папа. — Я раньше этим гордился. Теперь думаю, иногда стоило слушать тех, кто не знает наших привычек.

Он объяснил, что хочет оценить крупные обязательства компании до окончательного оформления правил наследования. Не ради поиска виноватых, а чтобы мы с Ингой получили одинаковое представление о том, за какие решения придётся отвечать. Особенно его беспокоило производство, где задерживались поставки оборудования и возникли новые условия по кредиту.

— Инга знает? — спросила я.

— Она руководит производством. Конечно, знает. И будет участвовать в проверке.

Мне понравился его тон. Впервые за много лет папа говорил не о том, кому поручить работу, а о том, как устроить дело так, чтобы ни одна из нас не зависела от устных обещаний.

В четверг нас встретила молодая юристка Анна Павловна. Когда она представилась, я невольно пошутила, что в нашем городе все нужные специалисты носят имена из школьных учебников. Она не засмеялась, но позже, объясняя устройство доверенности, сама назвала её «официальным разрешением на очень неофициальные неприятности».

Инга пришла на двадцать минут позже. От неё пахло холодным воздухом и кофе. Она извинилась и сразу спросила, какие именно сведения будут собирать.

— Крупные договоры, долговую нагрузку, сроки исполнения и документы по проектам, где есть существенные отклонения от плана, — ответила юристка.

— Это весь производственный блок, — сказала сестра.

— Не весь. Начнём с модернизации второй линии.

Инга положила ручку на стол. Тихий звук показался мне почему-то слишком громким.

— Там ещё не закрыт акт поставки, — сказала она. — Давать оценку посреди проекта — всё равно что судить по приготовлению теста, каким будет пирог.

— Нам не нужен приговор, — ответила юристка. — Нам нужны основания для будущих решений.

Папа посмотрел на Ингу.

— Ты сама говорила, что владельцы должны видеть полную картину.

— Я говорила, что владельцы не должны мешать работать.

Он нахмурился. Несколько секунд они смотрели друг на друга. Я не знала, следует ли мне вмешаться. Мне казалось, что спорят они о профессиональной методике, как мои коллеги спорили о способе вести трудную консультацию.

— Я могла бы вообще не участвовать в голосованиях по операционным вопросам, — сказала я. — Если это поможет.

Инга тут же повернулась ко мне.

— Это нужно оформить правильно. Не сегодня.

— Конечно, не сегодня.

После встречи мы спустились в лифте вдвоём. Инга всё время смотрела на номера этажей. На парковке она спросила:

— Ты действительно считаешь нужной эту проверку?

— Я не знаю, Инг. Я хочу, чтобы после папы мы не переругались из-за бумаг.

Она долго искала ключи в сумке. Нашла их в руке, засмеялась, но смех вышел чужим.

— Что ж. Хорошее желание.

* * *

На следующий день Инга всё-таки взяла меня на производство. Не на экскурсию — ей нужно было встретиться с представителем поставщика, а мне она пообещала показать, как

устроена линия, о которой спорили с юристом. Мы ехали за город в её машине. Обычно она разговаривала за рулём, не переставая, но теперь молчала и постукивала ногтем по кнопке стеклоподъёмника.

— Ты сердишься из-за проверки? — спросила я.

— На кого?

— На папу. На меня.

— Удобно, когда у любого моего настроения есть две кандидатуры, — ответила она. — Нет, Аля. Я просто не выспалась.

В цехе было удивительно чисто. На полу тянулись полосы разметки; над станками светились табло. Знакомый из детства запах древесной пыли смешивался с металлическим, горячим. Начальник смены, которого звали Денис, встретил Ингу у ворот и сразу заговорил о панели управления. Его слова я почти не понимала, но заметила, как она слушает: не перебивает, задаёт один короткий вопрос вместо пяти общих, смотрит не на телефон, а туда, куда показывает человек.

Рядом с новым оборудованием стояли трое рабочих. Станок молчал. На нём висела табличка с датой технического запуска, уже прошедшей две недели назад. Кто-то прикрепил к ней красный магнит.

— Почему не работает? — спросила я.

Денис смутился. Инга ответила вместо него:

— Не приняли последнюю часть комплектации. Мы платим за монтаж, а не за воздух вокруг станка.

В переговорной нас ждал представитель поставщика — молодой мужчина с безупречной бородой, который называл Ингу по имени-отчеству и всё время поправлял ремешок дорогих часов. Он достал планшет и стал показывать график. Один из этапов был обозначен зелёным. Денис, стоявший у двери, негромко произнёс, что участок даже не проходил испытаний.

— Проходил, — улыбнулся представитель. — В заводских условиях.

— Здесь не заводские условия? — спросила Инга.

— В вашем контракте предусмотрено...

— Я его подписывала. Можно без цитат.

Мужчина покраснел. Потом объявил, что новый срок поставки им придётся обсудить отдельно, поскольку у подрядчика «изменились внешние обстоятельства». Инга положила на стол распечатку. Три цифры были обведены ручкой.

— Моя компания платит людям зарплату, пока ваше оборудование стоит, — сказала она. — И наши обязательства перед банком не меняются от ваших обстоятельств. Я хочу даты и подпись. Не обещание позвонить после праздников.

Он ушёл без дат. Инга закрыла за ним дверь и некоторое время стояла неподвижно. Затем попросила Дениса вернуться к линии и дать ей вечером настоящую, а не презентационную сводку. Он кивнул. Мне показалось, он смотрит на неё с благодарностью.

Когда мы остались вдвоём, я сказала:

— Ты была великолепна.

— Ничего великолепного. Стоящий станок — это не спектакль, Алис.

Я оглянулась на красный магнит.

— А если поставщик так и не привезёт детали?

— Привезёт.

— Ты уверена?

Она убрала распечатку в папку. Пальцы дрожали едва заметно; я могла бы не увидеть, если бы не стояла совсем близко.

— Я обязана быть уверенной. Иначе зачем меня здесь держат?

Сказано было с улыбкой, но не похоже на шутку. Мне захотелось обнять её, как она всегда обнимала меня, когда что-нибудь не получалось. Я не стала. На парковке Инга заметила, что я мёрзну, сняла свой шарф и намотала мне на шею. Только потом завела машину.

Вечером папа спросил, понравилась ли мне экскурсия. Я сказала, что теперь понимаю, почему сестра приходит домой уставшей. О красном магните я не рассказала. Мне показалось, это её профессиональная тайна, не моя.

* * *

Через два дня она позвала меня к себе и достала старую коробку с фотографиями. Мы до полуночи выбирали снимки для папиного альбома. На одной я была девятилетней Гердой, на другой мы с Ингой стояли на балконе гостиницы у моря. Сестра рассказывала истории, которых я не помнила, и спорила со мной о том, какая фотография смешнее. Ни разу не упомянула проверку.

* * *

Через два дня отцу позвонил Леонид Серов, финансовый директор. Он сообщил, что банк просит дополнительные гарантии по старому кредиту. Случайное совпадение: переговоры с Мельниковым внезапно стали выглядеть для компании гораздо выгоднее. Инга сказала мне об этом по телефону, пока я выбирала корм для Катиного кота.

— То есть Мельников может на этом заработать?

— Может. И другие тоже. Пока не понимаю, кто делает ход первым.

— Ты подозреваешь, что кто-то специально ухудшает условия?

— Подозревать легко. Доказать трудно. Запомни эту разницу, психолог.

Я рассмеялась и сложила салфетки в сумку. Две схемы выглядели почти одинаково, хотя Инга уверяла, что одна из них относится к долгам, а другая — к собственности. В тот момент мне было достаточно того, что сестра терпеливо отвечала на мои вопросы.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ · ЖЕНЩИНА НА ЛИНИИ

Глава 6. Небольшие привычки

После того ужина жизнь продолжилась с оскорбительной нормальностью. Отец лечился, злился на врачей и всё равно просматривал отчёты. Инга проводила в офисе больше времени, но по пятницам находила час, чтобы приехать ко мне с готовым ужином. Катя пыталась устроить мне свидание с приятелем своего брата; я отказалась, узнав, что тот ведёт блог о правилах успешного знакомства.

Я любила свою работу за то, что даже после тяжёлого разговора можно было услышать другой голос и помочь другому человеку разобраться в конкретном решении. Но к вечеру чужие истории оставались со мной: в тихом вагоне метро, в магазине, в очереди за хлебом. Я ловила себя на том, что мысленно продолжаю разговор с женщиной, не сумевшей покинуть опасный дом, или с мужчиной, который впервые признался в страхе. Катя называла это отсутствием внутреннего выключателя.

Однажды поздно вечером я пришла к Инге без предупреждения. Она сидела в спортивных штанах на полу, окружённая мебельными образцами, и выбирала цвет нового дивана. Мы устроили голосование из трёх участников, потому что кот тоже ставил лапу на понравившуюся ткань. Победил зелёный, который Инга первоначально называла «цветом больничного коридора». Мы заказали лапшу и смотрели старую комедию, которую знали наизусть.

— У тебя всё нормально? — спросила она, когда герои фильма в сотый раз перепутали чемоданы.

— Да. Просто устала.

— Ты как папа. У вас «устала» означает всё на свете.

Инга положила голову мне на плечо. На экране кто-то падал в бассейн в дорогом костюме. Мы засмеялись одновременно. Мне не хотелось уходить.

Через пару дней позвонил отец. Спросил, как работа, не слишком ли мало я зарабатываю, не нужна ли помощь с ипотекой. Я ответила, что справляюсь. Он сказал, что гордится моей самостоятельностью. Потом внезапно спросил, что бы я делала, если бы пришлось выбирать между привычной жизнью и неизвестной возможностью.

— Ты предлагаешь мне возглавить завод? — пошутила я.

— Нет. Просто интересно.

Я сказала, что сначала выяснила бы, что теряю. Он некоторое время молчал, потом ответил: «Разумно». Мне показалось, он хотел сказать ещё что-то. Но в трубке зазвонил другой телефон, и мы попрощались.

В день перед первым звонком Веры ничего особенного не происходило. Я опоздала на пять минут, потому что в моём районе перекопали тротуар. Лера ругалась с принтером, Катя искала документы, которые сама положила в папку с надписью «Не забыть», а Ольга Сергеевна пыталась объяснить подрядчику, что замена окна в кабинете не должна занимать полгода.

Я провела три консультации. Первая касалась женщины, которая не решалась сказать взрослой дочери, что больше не будет оплачивать её долги. Вторая — мужчины, боявшегося возвращаться на работу после долгого лечения. Третья закончилась быстро: человек ошибся номером, спросил, продаём ли мы автомобильные шины, и очень вежливо извинился.

В обед я вышла с Катей за супом. Мы стояли в очереди, пока перед нами спорили две женщины о последней порции пирога. Катя рассказала, что Макс предложил съездить в небольшой город на выходные. Она переживала, что это слишком скоро, хотя знала его уже два месяца.

— Почему? — спросила я.

— Потому что если он увидит, как я собираю чемодан, перестанет считать меня нормальной.

— Ты собираешь чемодан по алфавиту?

— По вероятности неприятностей. Сначала лекарства, потом зарядки, потом документы, потом всё остальное.

Мы засмеялись. Мне захотелось тоже иметь разговоры, которые не касаются чужого страха, но это желание почти сразу растворилось в очередной смене.

После обеда пришла женщина с подростком, который молчал и всё время смотрел в телефон. Ольга Сергеевна попросила меня провести короткую вводную консультацию, хотя обычно я работала по телефону. Я спросила мальчика не о том, что у него случилось, а о том, какую музыку он слушает. Он ответил одним словом. Через пять минут уже рассказывал, почему ненавидит школьную столовую. Мать смотрела на нас с удивлением, будто её сына заменили другим.

Когда они ушли, я почувствовала ту редкую тихую радость, ради которой оставалась на этой работе. Не оттого, что решила проблему — ничего ещё не было решено. Просто у человека появилась возможность говорить, не защищаясь на каждом слове.

Вечером я зашла в магазин за хлебом и позвонила Инге. Она была в пробке, ругалась на навигатор и одновременно рассказывала о новом диване, который выбрала после наших домашних голосований. Я пообещала приехать в пятницу посмотреть, как он вписался в гостиную.

— Только не начинай проводить терапию с моим котом, — предупредила Инга. — Он и так считает себя владельцем квартиры.

— Поздно. Я уже знаю его детскую травму.

— Какую?

— Ты купила не тот корм.

Она смеялась так громко, что я слышала сигнал чужой машины. Мы попрощались, и я пошла домой по освещённой улице. Утром предстояла смена, и я вспомнила, что забыла купить батарейки для кухонных часов.

Я купила хлеб, поднялась к себе и поставила пакет на кухонный стол. На следующий день у меня была утренняя смена, поэтому я проверила будильник дважды.

Женщину звали Вера. Во всяком случае, так она представилась. По телефону иногда легко спутать возраст: одни голоса звучат старше из-за усталости, другие моложе из-за страха. Её голос казался одновременно и тем и другим.

Она рассказала, что муж проверяет её сообщения, не оставляет денег, запрещает видеть подруг, а в последнее время начал следить даже за тем, сколько она проводит в душе. Я не задавала вопросов, похожих на допрос. Уточнила, может ли она говорить свободно, объяснила варианты экстренной помощи и предложила составить короткий план на случай опасности. Она просила не перезванивать: номер не был её личным.

Во время разговора на заднем плане щёлкнула дверь. Вера замолчала. Я услышала шорох, затем она прошептала: «Я позвоню завтра». Связь оборвалась.

Я передала необходимые сведения по внутреннему протоколу, не внося ничего лишнего. На перерыве Катя подошла к автомату за кофе и, увидев моё лицо, спросила:

— Тяжёлый разговор?

— Да.

— Ты не можешь отвечать за то, что будет после отбоя.

Я кивнула, хотя и то и другое уже знала. Мы часто говорили друг другу правильные вещи, которые не всегда помогали.

Вера позвонила через два дня. Потом ещё раз. Иногда она была собранной, почти деловой, иногда говорила так быстро, словно опаздывала на последний поезд. В один из разгово-

ров сказала, что у мужа есть знакомые в полиции, поэтому ей никто не поверит. Я не обещала обратного. Объяснила возможности обращения, способы зафиксировать угрозы и контакты служб, где можно получить безопасное сопровождение. Она соглашалась, но каждый следующий разговор начинала словами: «Я пока не решилась».

На четвёртой неделе Вера сказала, что уйдёт. Она уже договорилась о встрече со знакомой, нашла документы и спрятала небольшую сумку. Я спросила, есть ли у неё возможность сделать это безопасно и нужен ли контакт кризисного центра. Она попросила адрес. После паузы тихо добавила:

— Вы первая, кто не говорит мне, что я сама виновата.

Мне хотелось ответить что-нибудь красивое, но я сказала только:

— Вы имеете право на помощь.

Вечером того дня я нашла в служебной электронной почте сообщение, присланное с незнакомого адреса на общий ящик центра. «Для Алисы Воронцовой», — стояло в теме. Внутри Вера писала, что не может больше звонить, что собирается уйти в пятницу и боится, что её найдут. Был указан адрес дома в пригороде и время: 19:30. Подпись: «Если меня не будет, пожалуйста, не забудьте, что я существовала».

Мы обсудили письмо с руководителем и передали сведения в соответствующие службы. На личные контакты с женщиной у нас не было оснований и полномочий. Но адрес застрял у меня в памяти, как слово, которое никак не удаётся забыть. Я записала его не в телефон, а на обороте чека, а через минуту разорвала чек и выбросила. Правило я знала наизусть.

В пятницу в восемь вечера я проверила рабочую почту из дома через разрешённый защищённый доступ. Ничего. В субботу, когда позвонила Кате, она сказала, что сообщений не поступало. Я спросила, что обычно происходит с людьми, решившими исчезнуть ради безопасности. Катя ответила: «Иногда они просто перестают быть доступными. Это и есть цель».

Это была разумная мысль. Я почти приняла её, пока в воскресенье не увидела маленькую заметку на сайте местных новостей: «Разыскивается женщина. Родственники просят откликнуться». На фотографии Вера смотрела прямо в объектив, с чуть усталой улыбкой, в синем пальто. Я узнала её по фотографии, приложенной к письму.

Ниже утверждалось, что женщина исчезла в пятницу вечером, а родственники якобы обратились в полицию. Ни номера дела, ни официального сообщения в заметке не было. Я перечитала заметку пять раз. Потом открыла её ещё раз, уже на большом экране. Мне не нравилось, что в голове сразу возникло слово «похищение». Я знала, насколько опасны догадки в отсутствие фактов. Но страх редко просит разрешения у профессионального опыта.

Глава 7. После сигнала

В течение недели после последнего звонка Веры я возвращалась к её карточке чаще, чем следовало. Не открывала её без служебной необходимости, но помнила разговор почти дословно: звук двери, короткий вдох, паузу перед словом «пожалуйста». Мне хотелось верить, что она выбралась.

Ольга Сергеевна попросила меня провести супервизию по случаю без указания личности. Я рассказала, что клиентка планировала уйти из опасной обстановки, но затем перестала выходить на связь. Мы обсудили, какие действия допустимы, где проходят границы нашей ответственности. Никто не назвал меня виноватой. Это почему-то не облегчало чувства, будто я упустила что-то важное.

После собрания Лера догнала меня в коридоре.

— А ты правда думаешь, что она исчезла?

— Я не знаю.

— Но ведь если человек так боится мужа, значит, он может сделать что угодно.

Я остановилась.

— Возможно. Но ты сейчас превращаешь историю в сюжет, а у нас пока слишком мало фактов.

Лера смутилась. Я пожалела о резкости и предложила обсудить варианты действий на следующем собрании. Она кивнула, но я видела, что ей неприятно.

Катя вечером отвезла меня на окраину города, где открыли маленькую пекарню. Мы ели горячий хлеб с сыром в машине и смотрели, как рабочие закрывают ставни соседнего магазина. Катя сказала, что иногда ей приходится сознательно не отвечать на рабочие звонки в выходные. Я возмутилась: как можно не отвечать человеку, которому нужна помощь?

— Потому что иначе через месяц я буду бесполезна всем, включая себя, — сказала она.

— Не могу так.

— Знаю. Поэтому мы и сидим в машине, пока ты мысленно разговариваешь с женщиной, чей голос слышала три раза.

Я поняла, что она права. Но признать это вслух было трудно.

Перед сном я снова открыла заметку о пропавшей. Фотография Веры, синее пальто, просьба родственников откликнуться. Я несколько раз перечитала текст. В заметке не было ссылки на официальное сообщение полиции. Теперь это показалось мне странным, и я записала вопрос для утреннего совещания.

Я написала Кате. Она ответила через минуту: «Сохрани ссылку. Утром уточним через положенные каналы. И пожалуйста, спи». Я закрыла ноутбук, легла и долго смотрела в потолок. Где-то далеко за окном сигналила машина, и мне казалось, что в каждом коротком звуке слышится просьба о помощи.

* * *

В понедельник я пришла на работу раньше всех. Дежурный охранник ещё расставлял стулья у входа, уборщица сердито вытирала мокрый след на полу. Я поднялась на второй этаж и попросила руководителя проверить, поступали ли запросы полиции по Вере. Она сказала, что у неё нет права делиться деталями дела вне официальных каналов, но подтвердила: сведения переданы, документы сохранены.

— Алиса, — добавила она, — наша задача не расследовать исчезновения. Нам нельзя подвергать риску ни обратившихся, ни сотрудников.

Я согласилась. Вышла из кабинета, постояла у окна и всё равно открыла сайт с новостями.

Катя забрала у меня телефон.

— Ты уже помогла ей тем, что сделала свою работу. Если понадобится, дадим показания по установленному порядку.

— Ты говоришь так, будто она точно жива.

— Я говорю так, будто мы ничего не знаем.

От этой фразы стало ещё хуже. Я хотела знать хоть что-нибудь.

Вечером мне позвонила Инга. Я не рассказывала ей подробностей обращений, но могла сказать о чувствах: вымоталась, беспокоюсь о женщине, не могу отвлечься. Она выслушала и предложила приготовить ужин.

— Ты застряла между двумя вещами, — сказала она, разрезая помидоры. — Ты не хочешь нарушать правила, потому что понимаешь зачем они. Но тебе кажется, будто осторожность — это равнодушие.

— Я так не говорила.

— Алис, я тебя знаю.

Она поставила передо мной тарелку пасты. Я рассказала про заметку, не называя адреса и деталей обращения. Инга спросила, проверены ли сообщения о пропаже и есть ли у женщины близкие. Я ответила, что это уже вопросы полиции. Сестра кивнула и сменила тему: отец записался к новому врачу, но отменил обследование из-за совещания. Мы обе разозлились, позвонили ему одновременно, и он пообещал больше так не делать.

Позже Катя прислала ссылку на объявление о поиске добровольцев. Не нашего центра — обычного районного объединения. «Только не вздумай туда бежать без головы», — написала она. Я ответила, что просто посмотрю. Это было правдой в тот момент, когда я нажимала на ссылку.

У поисковой группы была страница с расписанием встреч и контактами. Я увидела, что в среду они собираются обсуждать пропажу Веры и как вести законные публичные поиски без вмешательства в работу полиции. Я не планировала вмешиваться в дело. Мне хотелось услышать, что кто-то ещё произносит её имя так, будто за ним стоит живой человек, а не строчка в новостях.

В среду я поехала на встречу. В небольшом помещении при библиотеке стояли складные столы, у стены сушились оранжевые жилеты, пахло бумажными стаканчиками и пылью. Вошла женщина с картой района. Несколько человек спорили о маршрутах, кто-то проверял заряд радиостанций.

Я уже собиралась спросить, где можно оставить контакт для официальных сведений, когда мужчина у окна поднял с пола мою перчатку.

— Кажется, вы потеряли, — сказал он.

Он был выше меня на полголовы, в тёмно-синем свитере и старой куртке с молнией, которую кто-то неудачно починил. Волосы чуть растрёпаны, выражение усталое, но внимательное.

— Спасибо. Я даже не заметила.

— Здесь вообще легко потерять что-нибудь. В прошлый раз я потерял полчаса жизни, пытаясь объяснить принтеру, зачем нужны двусторонние листовки.

Я улыбнулась, несмотря на напряжение. Он протянул руку.

— Дмитрий.

— Алиса.

— Вы впервые у нас?

Я кивнула. Он не спросил, почему я пришла. И уже этим расположил к себе.

* * *

На следующей встрече добровольцев я снова увидела Дмитрия. Он стоял у окна и разговаривал с пожилым мужчиной, который возмущался, что поиски ведутся слишком медленно. Дмитрий не перебивал. Дослушал, потом спокойно предложил составить список того, что человек готов сделать по согласованию с координатором.

— Не нужно героизма, — сказал он. — Нужны люди, которые придут в назначенное время и не станут мешать друг другу.

Я поймала себя на том, что любуюсь его спокойствием. Когда мужчина ушёл, Дмитрий заметил меня и улыбнулся. На щеке появилась маленькая складка, которой я не видела в прошлый раз.

— Вы снова здесь. Значит, мои шутки про принтер не отпугнули вас окончательно.

— Я пришла узнать, нашли ли женщину.

— Разумный выбор. Я бы тоже не приходил ради моих шуток.

У координатора не было новых подтверждённых сведений. На столе лежали карты района, листки с телефонами и пачка печенья, которую кто-то открыл с неправильной стороны. Мы помогали рассортировать материалы. Дмитрий быстро двигался между столами, поднимал тяжёлые коробки, успевал шутить с усталыми добровольцами. Он не производил впечатление человека, которому нужно постоянно быть в центре внимания. Скорее центра вокруг него как-то сам собой становилось больше.

В перерыве я неловко задела чашку и облила край карты. Дмитрий протянул салфетки, не делая замечаний.

— Думаю, теперь на этом участке карта рек станет точнее, — сказал он.

— Ты всегда так разговариваешь с людьми, которым неловко?

— Только когда не знаю, как сделать так, чтобы им стало менее неловко.

Мне понравилось, что он не стал уверять, будто ничего не произошло. Мы вместе вытерли стол, и через минуту я уже смеялась.

Уходили почти одновременно. Он спросил, не хочу ли я кофе. Я посмотрела на часы — было поздно, завтра ранняя смена. Дмитрий сразу сказал:

— Тогда в другой раз. Я не собираюсь начинать знакомство с попытки отнять у тебя сон.

Это меня удивило. От мужчин, с которыми я встречалась раньше, отказ часто требовал длинного объяснения. Здесь хватило одного слова.

Я сделала несколько шагов, обернулась.

— Если честно, я бы выпила кофе. Только быстро.

— У меня есть пятнадцать минут, — ответил он, будто именно на это рассчитывал весь вечер.

Мы сидели на подоконнике закрывающегося кафе, пили плохой капучино и спорили о том, может ли человек добровольно любить дождь. Дмитрий уверял, что люди, которые говорят «обожаю осень», просто не ездят утром в переполненном автобусе. Я возразила, что дождь бывает красивым. Он кивнул на окно: «Вот этот, например, явно старается». Я засмеялась.

Когда мы вышли, дождь закончился. На тротуаре блестели фонари. Дмитрий не предложил меня проводить без приглашения. Просто спросил, удобно ли мне добраться. Я сказала, что живу недалеко, и он пожелал спокойной ночи. Уже в метро я пожалела, что мы не обменялись номерами. Через пять минут в общем чате добровольцев появилось сообщение: «Нашёлся пятый стул для следующей встречи. И если кто-то оставил у карты синюю ручку — она у меня». Я улыбнулась: ручка была моя.

Глава 8. Мужчина с неисправной молнией

Мы виделись с Дмитрием на встрече поисковиков недолго. Он помог перенести столы, несколько раз выходил разговаривать по телефону и уступил мне стул, потому что одна ножка соседнего явно не доверяла земному притяжению. В конце обсуждения я узнала, что полиция просит добровольцев не приближаться к дому пропавшей и не распространять непроверенные версии. Один пожилой мужчина начал возмущаться, что люди «вечно мешают искать правду». Дмитрий ответил ему мягко и неожиданно твёрдо:

— Если кто-то сейчас позвонит по любому попавшемуся адресу и напугает живого человека, мы не поможем Вере. Мы просто добавим проблем.

Мне понравилось, что он сказал «живого». Словно все остальные уже успели мысленно похоронить женщину.

После встречи я задержалась у выхода: на улице начался дождь, а зонт остался в кабинете центра. Дмитрий предложил довезти меня до метро. Я отказалась из привычки и через минуту согласилась из-за ветра. В машине пахло мокрой курткой и апельсиновым освежителем воздуха. На заднем сиденье валялись спортивная сумка и половина раскрученного рулона скотча.

— Вы давно ищете пропавших? — спросила я.

— Помогаю, когда могу. В основном документами и связью, — ответил он. — По образованию я экономист, по жизни человек, который чинит чужие планы.

— Звучит подозрительно.

— Так я и не утверждаю, что из меня хороший герой.

Он остановился возле станции и не попросил номер. Только сказал, что в пятницу планируется ещё одна встреча и если я захочу прийти — он будет рад. Я поблагодарила и вышла. Через два квартала поняла, что улыбаюсь без причины.

Мы встретились в пятницу, потом в воскресенье. Он оказался человеком с бесконечным запасом странных историй: как пытался купить подарок племяннику и увёз домой коробку с садовым фонтаном, как перепутал конференцию по строительству с ветеринарным форумом. Не все истории были правдой — я подозревала, что часть он преувеличивал ради эффекта. Но впервые за долгое время мне было приятно сидеть рядом с мужчиной и не думать, что встреча непременно должна привести к какому-то решению.

На третьей прогулке он спросил о моей работе. Я рассказала о правилах центра, о том, что нельзя брать домой клиентские истории. Не называла имён. Он не пытался выудить подробности, и это тоже понравилось.

— А кто помогает вам? — спросил он.

— У нас есть супервизии.

— Я не про работу.

Я ответила не сразу. У меня была Катя, была Инга, был отец, хотя его помощь почти всегда принимала форму денег или практического совета. Дмитрий слушал так, будто не готовил следующую реплику, а действительно ждал ответа.

Вечером он написал: «Ты забыла в машине шарф». Я ответила, что могу забрать на следующей встрече. Он прислал фотографию шарфа, тщательно уложенного на пассажирском сиденье, с подписью: «Ведёт себя прилично, кормить не просит».

На следующей встрече я принесла для поисковиков бумажные стаканчики и дешёвые печенья из ближайшего магазина. Дмитрий, увидев пакет, сказал:

— Вы опасно организованный человек. У нас обычно сначала кончается бумага, потом ручки, потом вера в человечество.

Я ответила, что в моём центре первым заканчивается терпение у принтера. Он с серьёзным видом предложил обменять наш принтер на их неисправный проектор. Мы почти договорились, пока координатор не попросил нас перестать мешать.

В перерыве я узнала, что Дмитрий однажды помогал рассылать информацию о пропавшем подростке. Он рассказывал это без геройства, скорее со стыдом: тогда он сам поверил слуху, что мальчика видели в другом районе, и потратил несколько часов на бесполезный поиск. «Нельзя превращать свою спешку в чужую проблему», — сказал он. Я подумала, что вряд ли человек, умеющий так формулировать ошибки, станет ими хвастаться.

Потом мы сидели на подоконнике с бумажными стаканчиками. Он спросил, какую музыку я слушаю в дороге. Я назвала группу, которую любила со школы. Он поморщился и заявил, что у музыкантов с такими причёсками не может быть хорошего вкуса. Мы спорили минут десять, а потом он попросил прислать ему один альбом, который изменит его мнение. Я отправила ссылку, когда уже села в метро. Он ответил: «Обещаю постараться быть объективным. Но причёски всё равно преступные».

В ту ночь я думала не о Вере, а о споре про музыку. Это было приятно и немного стыдно. Как будто, пока я смеюсь с незнакомым мужчиной, кто-то другой остаётся один в тёмной комнате. Наутро Катя сказала, что чувство вины не является расписанием для моей жизни. Я обиделась. Потом признала, что она права.

Инга, когда я показала ей сообщение, фыркнула:

— Похоже, он умеет флиртовать без цитат из интернета. Уже преимущество.

Я сказала, что это ничего не значит. Инга посмотрела на меня поверх чашки чая и ответила: «Разумеется». Потом попросила показать фотографию.

* * *

За неделю до нашего первого официального свидания Дмитрий позвал меня прогуляться вдоль старой пристани, где теперь устроили небольшую набережную. Я согласилась при условии, что он не станет рассказывать, как ужасно я разбираюсь в современной музыке. Он обещал молчать, если я не попрошу его сфотографироваться на фоне каждого ржавого якоря.

На пристани оказалось холоднее, чем в городе. Ветер дул с реки, качал голые ветки, и я пожалела, что надела лёгкое пальто. Дмитрий заметил, как я прячу руки в рукава, и предложил зайти в ближайшую чайную. Я сказала, что ещё пять минут выдержу. Он не спорил, просто перешёл на сторону, откуда дул ветер, и придержал меня за локоть, когда дорожка стала скользкой.

Мы говорили о путешествиях. Я рассказала, как однажды поехала одна в незнакомый город и всю ночь ждала у окна гостиницы рассвета, потому что боялась уснуть. Дмитрий спросил, чего именно я боялась. Я пожала плечами: наверное, того, что никто не знает, где я.

— А теперь?

— Теперь я умею оставлять маршрут подруге.

— Практичная взрослая жизнь. Убивает половину приключений, зато сохраняет шанс на следующие.

Он рассказывал о поездке в северный посёлок, где два дня ждал переправы через реку. Там он познакомился с человеком, который всю жизнь ремонтировал лодочные моторы и знал всех жителей по имени. Я спросила, почему он помнит именно этого механика. Дмитрий задумался.

— Он не пытался выглядеть важнее того, что делал. Мне это нравилось. Я, наверное, слишком часто встречал противоположное.

В чайной мы сидели у окна. Я сняла перчатки, он аккуратно отодвинул от края стола мою сумку. Разговор стал тише. Он спросил о матери, и я рассказала не о её смерти, а о том, как она любила острые конфеты и прятала их от папы в шкафчике ванной. Дмитрий засмеялся, представив взрослую женщину, тайно хранящую леденцы рядом с зубной пастой.

— У тебя было хорошее детство? — спросил он.

Я не знала, как ответить. Было тепло, была Инга, была школа, были долгие вечера ожидания отца. И ещё — ощущение, что всё хорошее держится на одном человеке, который может в любой момент устать.

— Наверное, разное, — сказала я.

Он кивнул, не потребовав истории целиком.

Мы вышли, когда стемнело. У пешеходного перехода Дмитрий спросил, могу ли я позволить ему пригласить меня на настоящее свидание. Я подняла брови:

— А сегодняшнее что такое?

— Рекогносцировка. Я выяснял, не сбежишь ли ты от меня после первого часа.

— И как результаты?

— Оптимистичные. Но исследование продолжается.

* * *

Через день после прогулки на пристани я увидела Дмитрия не в пальто и не с привычной спокойной улыбкой, а посреди самой нелепой ссоры, какую только можно устроить из-за велосипеда.

Я ждала его у мастерской в старом районе. Мы собирались выбрать мне новый шлем — Катя настояла, что после двух падений с прокатного велосипеда я не имею права изображать бессмертную. В окно мастерской было видно, как Дмитрий разговаривает с мастером в красной толстовке. Оба показывали на колесо, закреплённое в стойке. Дмитрий говорил тихо, но по движениям я поняла, что они спорят всерьёз.

Когда я вошла, мастер сказал:

— Я вам объяснил. Никакой гарантии нет, потому что рама старая.

— А я не прошу гарантию на раму. Я спрашиваю, почему вы поставили новую втулку, если ещё вчера говорили, что старая исправна.

— Вам надо было самому смотреть.

— Именно поэтому я привёз велосипед к человеку, который называется специалистом. Чтобы не смотреть самому.

Мастер заметил меня и демонстративно отвернулся. Дмитрий выдохнул, взял с прилавка чек и поблагодарил за потраченное время. Голос у него был вежливый, но лицо — непривычно злое.

На улице он долго возился с замком на велосипеде.

— Я сейчас выгляжу как неприятный тип? — спросил, не поднимая головы.

— Скорее как человек, которому не вернули деньги за концерт, где никто не выступил.

— Почти. Я терпеть не могу, когда меня считают идиотом.

— А когда тебя не считают идиотом?

Он посмотрел на меня. Потом засмеялся, коротко и с некоторым облегчением.

— Ты умеешь испортить моё красивое негодование.

Мы пошли пешком, ведя велосипед рядом. Дмитрий не пытался изображать, будто ссоры не было. Он рассказал, что несколько лет назад подрядчик подвёл его в проекте и из-за этого пострадали люди, за которых он отвечал. Теперь он иногда слишком остро реагирует на халтуру. Свою резкость оправдывать не стал.

— Я мог просто уйти, — сказал он. — И точно мог не повышать голос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.